

ПРОБЛЕМА АНТИНОМИЧНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА В РАБОТЕ Н. А. БЕРДЯЕВА «ИСТОКИ И СМЫСЛ РУССКОГО КОММУНИЗМА»

В. Н. Яхно

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В год столетия Октябрьской революции исследования истоков и социальной обусловленности событий 1917 г. особо актуальны. Попытка понять столь яркое историческое событие начала XX в. была предпринята философом русской послереволюционной эмиграции Н. А. Бердяевым. В начале 30-х гг. он пишет книгу, которая будет издана в 1937 г. на английском языке и станет одной из самых известных его книг – «Истоки и смысл русского коммунизма». Причины, побудившие его к написанию книги, звучат современно: западноевропейские и особенно английские и американские историки и журналисты искажали многие факты революционной истории Российской империи, что побуждало мыслителя к полемике.

Известный философ не любил обращаться к теме революции: в другой не менее известной книге «Русская идея» он даже не упоминает знаменитый сборник «Вехи» и не желает полемизировать с другими известными философами об обстоятельствах, породивших революцию. И только в середине 20-х гг. отношение Н. А. Бердяева к революции примет окончательную форму, и тогда он обращается к западноевропейскому читателю с серьезным анализом «материалистического коммунизма» и публикует работу «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы». Его размышления – ответ на волновавшие его и читателей вопросы, а также попытка предотвратить в будущем искажение событий революционной борьбы в России. Вскоре книга «Истоки и смысл русского коммунизма» издается на немецком, французском, испанском, итальянском и голландском языках. Первое издание на русском языке появилось только в 1955 г. в парижском издательстве YMCA-PRESS. Репринтное воспроизведение этого издания в Советском Союзе осуществило издательство «Наука» в 1990 г. с указанием на то, что «часть средств, полученных от издания этой книги, передается в фонд помощи жертвам Чернобыльской катастрофы» [1, с. 2].

Цель феноменологии коммунизма Н. А. Бердяева – разобраться в антиномичных характеристиках русской души и особенно политической ментальности русской интеллигенции, ее «неправомерной увлеченностью политикой и заботой о народе». Он определяет русскую культуру как восточную, евразийскую, так как Россия, конечно – «христианский восток», но в течение двух столетий она подвергалась сильному влиянию Запада, а ее «верхний культурный слой ассимилировал все западные идеи». Поэтому он отмечает невозможность понять «русский коммунизм» из-за его двойственного характера – это явление и мировое, и интернациональное, и в то же время русское и национальное. Как следствие, он пишет, что «русский коммунизм» порожден «душевной структурой» русского народа – это творчески преобразованный самобытный марксизм. «Только в России могла произойти коммунистическая революция». Русский коммунизм должен представляться людям Запада «коммунизмом азиатским».

Исследуя особенности национального характера, «противоречивость русской души», Бердяев обращается к истории российской государственности. Он делает акцент на том, что в «типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [1, с. 8]. Для русского народа одинаково характерно и природно-дионисийское начало, и христианская аскеза. Он указывает на религиозную «формацию русской души» и ее устойчи-

вые характеристики: догматизм, способность нести страдания и жертвы во имя веры, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, то к этому миру. Религиозная энергия русской души, согласно мыслителю, обладает способностью переключаться и направляться к иным (нерелигиозным) целям, например, социальным.

Бердяев исследует церковный раскол – это «глубокая историософическая» тема. «Вопрос шел о том, есть ли русское истинно православное царство, то есть исполняет ли русский народ свое мессианское призвание». Итог раскола: народное православие разрывает духовную связь и с церковной иерархией, и с государственной властью. С этим связана легенда о граде Китеже, скрытом под водой. «Народ ищет Град Китеж» [1, с. 10–11]. Раскол, по его убеждению, нанес серьезный удар и по идее Москвы, как Третьего Рима, обозначив «неблагополучие русского мессианского сознания».

Раскол духовной жизни российского общества усугубили реформы Петра I, приемы которого, по выражению философа, были «совершенно большевистскими». Даже реформы Екатерины II не уменьшили пропасть между сословиями, не отменили «привилегированное барство». И только в XIX в., когда сформировалась российская интеллигенция, она стала активно проявлять народолюбие и освободительные стремления. Роль интеллигенции в истории Российского государства чрезвычайна, поэтому чтобы понять истоки и смысл русской революции, необходимо понять «своеобразное явление», которое именуется «интеллигенция». Н. А. Бердяев подчеркивает, что интеллигенция на Западе – это люди интеллектуального труда, творческих профессий, преподаватели и прочие. Русская же интеллигенция – это совокупность людей с особой ментальностью, моралью, со своими особыми нравами и обычаями и «даже со своеобразным физическим обликом», по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп. Интеллигенция в России всегда была идеологической, а не профессиональной и экономической совокупностью, образовавшейся из разных социальных слоев. Это так называемая разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями социального характера, которым она «отдавалась беззаветно».

В России самодержавной, крепостнической вырабатывались самые радикальные социалистические и анархические идеи. Политическая деятельность была невозможна, как следствие, она была перенесена в область поэзии и литературы. Интеллигенция приобрела способность жить исключительно идеями, ее мировоззрение обрело «раскольнический» характер. Это был «раскол с окружающей действительностью», которую она считала «злой», отчего в ней выработалась фантастическая «раскольничья мораль». Крайняя идейная нетерпимость, фанатизм интеллигенции были самозащитой, которая помогала сохраниться во враждебном мире. Значимой характеристикой российской интеллигенции, утверждает Н. А. Бердяев, был нигилизм и атеизм. Увлечение наукой и даже преклонение перед ней приводило порой к неоднозначным результатам: усвоение западных идей и учений было в большинстве случаев догматическим, что «отражает религиозную целостность русской души». Когда русский интеллигент «делался дарвинистом, то дарвинизм был для него не биологической теорией, подлежащей спору, а догматом, и ко всякому не принимавшему этого догмата, например к стороннику ламаркизма, возникало морально подозрительное отношение» [1, с. 19]. Бердяев иллюстрирует ситуацию словами «самого крупного русского философа XIX века» Вл. Соловьева, который говорил, что русские нигилисты исповедовали веру, основанную «на странном силлогизме: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». Нигилистические основы, не говоря уж об атеизме, есть и у Ленина, хотя он представля-

ет иную эпоху, «мы все нигилисты», по утверждению Достоевского. Социальная направленность мировоззрения российской интеллигенции способствовала популярности западных социалистических идей, но и философия Гегеля, учение Прудона и особенно марксизм были восприняты и пережиты ею догматически и тоталитарно. Характерным порождением русского духа, наравне с нигилизмом и народничеством, был анархизм. «Это один из полюсов в душевной структуре русского народа», поэтому такой народ можно охарактеризовать и как анархически-свободолюбивым, и как государственно-деспотическим, склонным к национальному самомнению, способным к «всечеловечности», к состраданию и в то же время к жестокости.

Преобладание социальных мотивов и революционного настроения в интеллигентской среде в конечном итоге породило особый тип человека, единственной специальностью которого стала революция. Н. А. Бердяев пытается понять процесс формирования личности революционера. Он исследует персоны Радищева, петрашевцев, народников, анархистов, Достоевского, славянофилов, западников, Белинского, Бакунина, Герцена, Плеханова, Ленина и многих других. Он пишет о Нечаеве – основателе революционного общества «Топор, или народная расправа» и его «Катехизисе революционера». Согласно Нечаеву: революционер должен порвать с гражданским порядком, цивилизованным миром, его моралью. Ему не нужна современная наука, он знает одну науку – науку разрушения. Для революционера все морально, что служит революции. Эти слова потом повторит Ленин. Революционер уничтожает всех, кто мешает ему достичь цели. Бердяев отмечает: к революции и «к социализму весь XIX век у русских была непреодолимая склонность. И все подготовляло у нас увлечение коммунизмом» [1, с. 52]. Коммунизм вбирает в себя знакомые черты социального идеала интеллигента-разночинца: стремление к общественному равенству и справедливости, признание «классов трудящихся высшим человеческим типом», сектантскую нетерпимость, стремление к целостному мировоззрению, подозрительное, враждебное отношение к культурной элите, приращение материализму почти теологического характера. Ментальность российского революционера, полярность его характера была ярко проявлена и в личности В. И. Ленина. Философ пишет: «Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике... Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством» [1, с. 95].

Анализ особой роли интеллигента-революционера в российской истории Н. А. Бердяевым в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» – попытка переосмыслить опыт эпохи, полностью «перевернувшей» Россию, и те представления о ней, которыми жила дореволюционная интеллигенция. Как писал о философе В. Зеньковский: он «всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист». Одновременно «он проповедует новые горизонты», любовь к личности и родной культуре, и это позволяет воспринимать его нашим современником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990.